

Владлен Немец

Офицеры

Неретин

Свет в окошке

Непростая жизнь у Машеньки. Вот уже двадцать первый год девушке пошел, а она даже и не невеста, да что там невеста! — ухажоров серьезных и то нет. И добро бы дурнушка какая, мимо которой любой задрипыш пройдет и не взглянет. Нет, красавицей уродилась. Настоящая русская красавица. Коса русая до пояса, глаза серые, большие, стройная, в общем всё при ней. И парни на нее заглядываются, а она ни на кого не смотрит. А всё почему? Никто ей, кроме любимого единственного брата Коленьки, не нужен. С титешних лет заменяет он Машеньке папу и маму, докторов, погибших на эпидемии холеры в Повольжья. Раньше, когда совсем маленькая была, брал он ее с собой в дальние командировки. Она даже по китайски говорить научилась, когда Коля с хунхузами на КВЖД воевал. Всегда такой веселый был, и Машеньке скучать не давал. Особенно Маша любила, когда приходили Колины товарищи. Сидят,

выпивают по малости (В этой компании напиваться было не принято — форму всегда нужно поддерживать), песни поют, бывшие дела и погибших друзей вспоминают. А она тихой мышкой в уголке пристроится и слушает, слушает, очень ей всё интересно, что брата касается. Но всё, что услышит, при ней и остается — Коленька научил.

Очень хорошо, что в Академию поступил: теперь каждый вечер домой возвращается. Только вот всё чаще хмуриться стал последнее время. Да и то сказать, время тревожное — конец 36-го года.

У слушателей Академии имени Фрунзе, где он уже второй год грыз гранит военных наук, Николай Васильевич Неретин приобрел репутацию молчуна. Только молчание его было особое — молчание человека, который очень многое видел и очень много знал, а во многом знании, как известно, таятся многие печали. А ему было о чем рассказывать: в Красной Армии со времен Гражданской войны, Польская компания, Перекоп, восстание на Тамбовщине, потом КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога), Испания, да мало ли куда еще бросала его военная судьба. Только говорить об этом и раньше не следовало, а теперь и подавно. И Неретин молчал, молчал и все больше уходил в себя, глядя на то, как словно гигантским гребнем прочесывал НКВД состав

слушателей Академии, лучших кадровых командиров Красной Армии.

А сегодня случилось совсем страшное — утром на поверку не явились Валька Синичкин и Витя Кузнецов — его боевые товарищи по разным делам за кордонами Советской России. И на поверке их не выкликали. Остальное ежу понятно.

Сестренке Машеньке, которая разбежалась было с ужином, сказал: «Погоди, поговорить надо».

Глянула Маша на брата и про себя ойкнула — мрачнее тучи.

— Случилось что?

— Случилось... дружков моих, Валю Синичкина и Витю Кузнецова забрали...

— Они вдвоем так красиво пели! За что же их, Коленька?!

— Вот, вот, пели. За что, спрашиваешь? По мне так не за что, да ведь время такое, непонятное. Ты, Машенька, слушай, что скажу и запоминай. Меня тоже могут взять.

— Господи, а тебя-то за что?! Уж ты ли для страны не старался. Вон сколько шрамов, вся грудь и спина исполосованы-ы-ы!

— Ладно, не реви, слушай дальше. Если меня возьмут, то ты в Москве не оставайся. Немедленно, слышишь, немедленно садись на поезд и куда глаза глядят, в какой-нибудь город на Урале или за Уралом. Куда именно, **мне сейчас об этом знать не**

надо...

Задрожало сердечко Машеньки, поняла зловещий смысл слов брата.

— Коленька, а как же мы потом с тобой встретимся? — и снова в рев.

— Прекратить! Ты сестра командира. Знаешь наше правило «Надейся на лучшее, а готовься к худшему». Может еще ничего и не будет, а готовым надо быть. Как встретимся? Через год письмо до востребования на Центральный Почтамт пошлешь. Не отвечу — еще через год. Наташка... — И заныло сердце.

...

Начальник курса вздыхал и посматривал на удобно развалившегося на кресле напротив парторга: «Вот список надо составить. Наши шефы с Красной Розы просили на праздник слушателей Академии прислать».

— А в чем проблема?

— А то ты не знаешь! Коллектив там женский, молодежный по большей части. Ежели, к примеру, женатиков прислать, так потом ихние жены тебя жалобами завалят.

— Ну, не такой уж неустойчивый у нас состав курсантов...

— Еще какой устойчивый!

— Ах, ты в этом смысле, — парторг расхохотался. — А ты холостых поши, ну,

конечно, которые постарше, посерьезнее. Может и обойдется. Ну а если что, так пускай сами потом разбираются.

Так сорокалетний майор Николай Васильевич Неретин попал на празднование Первого Мая на фабрике имени Красной Розы (Люксембург).

У фабричных девчат голова кругом: командиры в парадных кителях, и все такие подтянутые, вежливые такие, всё «простите, разрешите»... Не чета местным парням. Как белый танец, так девчонки прямо на перегонки к военным несутся.

Приметил Неретин одну девушку, которая почему-то на белый танец не рвалась, и вообще по большей части в сторонке отсиживалась. Подошел, представился, узнал, что девушку зовут Наташей, попросил разрешения пригласить на вальс.

— Наташа, а почему вы на белый танец никого не приглашаете, достойных не находите?

— Что вы, что вы, Николай Васильевич (Называть Николаем наотрез отказалась.), вы все такие замечательные! Только я боюсь, что меня задавят: вон у нас девчата какие боевые!

Николай Васильевич вызвался проводить Наташу. Шли пешком от Семеновской площади до Басманной. Всю дорогу Наташа рассказывала о фабрике, о подругах.

— А что же вы о себе молчите?

— А что про меня говорить? Живем вдвоем с мамой, учусь в вечернем техникуме на товароведа по парфюмерии. Я уже сейчас запросто отличаю настоящие духи от подделок. Николай Васильевич, можно вас попросить, а? Не надо говорить мне вы, а то я буду думать, что вы надо мной подсмеиваетесь.

— Хорошо, но и ты меня больше на вы не зови, ладно?

— Ой, я так сразу не могу, надо немножко привыкнуть.

— Отлично! Вот и привыкай! Ты не проглодалась? А у меня в животе барабаны тревогу бьют.

— Немножко, самую капельку, — смутилась девушка.

— А вот и ресторан у нас по пути оказался!

— Николай Васильевич, ну что я буду, — запнулась, — **тебя** для первого знакомства разорять?

— Ничего, а я давно уже в ресторане не бывал. Меня все больше сестренка Машенька кормит.

Так началось знакомство, которое перешло дружбу, но Николай Васильевич не смел сам себе признаться, что относится к Наташе не просто как к подружке: очень смущала разница в возрасте — ему почти сорок, а ей девятнадцатый... А Наташа

прилепилась к Неретину всей душой. Может быть было что-то от безотцовщины, может воспитанность Николая импонировала (Не то, что фабричные парни: те, пока не выпьют вообще на девушек не глядят, а выпьют, так даже имени не спрашивают, а сразу под юбку.), а скорее всего — настоящий самостоятельный человек, как характеризовали Неретина Наташины фабричные подруги. Да и с Машенькой как-то сразу подружилась. Не раз заставлял Николай Васильевич такую картину — сидят рядышком на диване и чирикают об чем-то девичьем, секретничают. Кто знает, как пошло бы у них дальше, если бы не эта треклятая ситуация конца 36-го года.

...

— Наташе позвонишь из автомата на работу, из дома не надо, кто знает, может на прослушке аппарат будет. Скажешь, в дальней командировке, срочно выехал, попрощаться не успел, когда вернется сам позвонит. От встречи откажись.

— Поняла, всё поняла, Коленька...

— Говори, по глазам вижу, что-то не так.

— Жестоко это как-то. Ни здравствуй, ни прощай.

— Что тебе сказать. Конечно, лучше бы все объяснить, но сама понимаешь. Да и Наташку так может уберечь удастся. Скажи ей еще, что я о ней помню. Ну а если в течение года не вернусь, пусть

больше не ждет.

— Теперь насчет нашего хозяйства, — продолжил Неретин, — Сберкнижки наши с собой возмешь. Они все на твое имя. На первое время хватит. Ну а вещицы всякие, что я привозил... Они дорогие, но с собой их таскать ни к чему. Подумай сама, что делать, но чтобы завтра их дома не было.

— Неужто всё отбирать будут?

— На Сретенке давно была?

— Давно.

— Ну и дальше туда не ходи. Там теперь новый магазин открыли. Хорошими вещами задешево торгуют. Это всё у арестованных набрали. Ладно, ладно, не плачь, — обнял сестренку, — может еще ничего не будет.

Утешал, а сам своим словам не верил. Чутье не обмануло. Через несколько дней после этого разговора ночью раздался стук в дверь: «Телеграмма!».

Обыск ничего не дал: Неретин уже убрал или уничтожил всю «крамольную» литературу — работы Тухачевского, первый том Истории Гражданской Войны в СССР (второй том так и не вышел), даже Испанский Дневник Михаила Кольцова. Но если хорошо искать, то все равно что-нибудь да найдется. На всякий случай конфисковали сборник, посвященный смерти Кирова, пластинки с речью Орджоникидзе, еще

что-то в этом духе.

Неретин быстро собрал чемоданчик (что взять в тюрьму обдумал заранее), поцеловал Машеньку, и сам кинул командиру группы: «Пошли, что ли?».

На «курорте» у Ежова

Первые два дня просто держали в одиночке, никуда не вызывали.

— *На нервы давят. Ладно, давите, не на такого напали.*

На третий день, не говоря худого слова и ничего не объясняя, обработали да так, что едва на ногах стоял. Хорошо хоть отвели в другую камеру, где дожидались своей участи такие же как он бедолаги. Им доставалось ничуть не меньше, особенно если упорствовали при допросах. Николаю оказали посильную помощь, но главными были моральная поддержка, чувство товарищества. Два дня «отдыхал». Потом повели на допрос.

— Ну-с, как вам в нашей «гостинице»? — Следователь, щедушный человечек с остренькими внимательными глазками, улыбнулся краешками губ. — Молчите? Так, давайте уточним для порядку: Неретин Николай Васильевич, бывший майор Красной Армии, изменник Родины, шпион одной иностранной державы, так?

— Неретин Николай Васильевич, командир

Красной Армии.

— Значит признаваться не будем? Ваше дело. А только я могу очную ставку с вашими дружками организовать, они во всем признались. Да и сестра ваша, — следователь заглянул в записную книжку, — Мария Васильевна, тоже не откажется нам помочь.

— *Ну до сестренки тебе, сволочь паскудная, не дотянуться, а с друзьями... посмотрим.*

— Молчите? А зря! Только лишние мучения на свою шею просите. У нас, знаете ли, все начинают говорить рано или поздно. Те, кто поздно, об этом потом горько жалеют. Ладно, чувствую, что до вас мои увещевания не доходят. Придется опять на профилактику.

Так для Николая Неретина, заслуженного командира Красной Армии, начался кошмар допросов и избиений. Как ни странно, но упорный отказ давать показания сослужил Неретину хорошую службу: следователь, у которого «на руках» было несколько «политиков», а время поджимало (Начальство требовало результатов), решил пока оставить Николая Васильевича в покое, сосредоточившись на более поддающихся обработке...

Слухи о переменах в НКВД просачивались в тюрьму на протяжении последних недель. По дороге факты обрастали легендами: всем хотелось

верить, что дни Большого Террора миновали. Но в тюрьме ничего не менялось, следователи свирепствовали по прежнему, и постепенно надежды уступили место апатии. Тем более неожиданно однажды утром прозвучал голос разводящего: «Неретин, с вещами на выход!».

В конторе тюрьмы писарь открыл папку и скороговоркой прочитал...

Разобраться в его речитативе было нелегко, но главное Неретин понял — СВОБОДЕН.

Сразу за воротами тюрьмы стоял черный ЗИС, и перед ним прохаживался, судя по малиновому околышу фуражки, офицер НКВД.

— Неретин?

— Так точно.

— Садитесь в машину.

— Куда вы меня везете?

— По дороге поговорим.

Минут десять сопровождающий молчал, давал Неретину освоиться с обстановкой. А сам Неретин, просидевший в тюрьме почти два года, тут же забыл о спутнике и стал с любопытством осматриваться по сторонам. Больших изменений в столице заметно не было, но интересовала каждая мелочь: воробей пролетел, мальчик прошел, женщина с коляской, новый троллейбус.

— Ну-с давайте поговорим, — раздалось над ухом.

Неретин даже вздрогнул от неожиданности, так увлекся рассматриванием родного города.

— Слушаю вас, простите, не знаю чина и должности.

— Это неважно. Вы освобождены со снятием судимости. Сейчас мы направляемся в штаб округа. Там я передам вас с рук на руки вашему начальству. Дальше вашей судьбой будет распоряжаться армия. Сейчас большая недостача кадровых офицеров. Вот пакет с вашими документами. Передадите его в штабе кому положено.

Письмо

Неретина поселили в командирском общежитии: пока он находился в тюрьме, а Маша, по сути, в бегах, в квартиру вселилась семья какого-то чина из НКВД. Николай Васильевич даже не стал ни с кем говорить о возвращении жилья: как говорится, не до жиру, быть бы живу. На второй день после освобождения пошел на Главный почтамт — солидное серое здание на улице Горького. Девушка, дежурившая у окошка «до востребования», долго копалась, наконец, выдала довольно пухлый конверт без обратного адреса. Сердце забило тревожно и радостно: *Живасестренка, этоглавное! Только как же без*

обратного адреса?

Николай Васильевич отошел к одному из высоких круглых столов для посетителей, и аккуратно надорвал шероховатую бумагу конверта. Сначала выпала фотография поясная: Машенька с каким-то симпатичного вида парнем, оба улыбаются. Еще на одной карточке небольшой аккуратного вида домик, перед крыльцом которого, рядом с Машенькой в холщевом домашнем платице выставив весьма серьезные рога стояла коза. Письмо было длинное. В самом верху стояло: город Н-ск Челябинской области, почтаamt до востребования, Нечипоренко М.В.

— Так, значит, вышла замуж и сменила фамилию. А я даже не смог заранее на жениха посмотреть, помочь советом... Ох, жизнь, все получается не по человечески! — Ладно, что там дальше?

Машенька тревожилась о Николае. Потом рассказывала, что работает в местном сельпо бухгалтером, зарплата неплохая, да еще паек для членов кооператива. Дали ей комнату в трехкомнатной коммунальной квартире. А потом пошло главное: Дорогой братец, три месяца назад (письмо было полугодичной давности) я познакомилась с учителем пения и по труду в местной семилетке. Ему двадцать шесть лет. Сирота. Юра сам с Украины, очень хорошо поет, но

почему-то только грустные песни. Рассказывает, петь научился в 27-м году, когда перебирался в Челябинскую область. (В мозгу мгновенно: *Тринадцать лет назад, Юре этому было тринадцать, сирота. Петь, наверное, научился, чтобы с голоду не подохнуть. По всему видать, дитя голодомора*). Очень ко мне привязался с первого же знакомства. Настоял на свадьбе, говорил «А вдруг ты исчезнешь, а я опять сиротой!». Он скопил немного денег. Зарплата у учителя скромная, но подрабатывал на вечерах, на свадьбах и все откладывал. Ну и я, конечно, добавила. Как тебе наш домик и наша родственница рогатая? Особо моим прошлым Юра не интересовался. Главное, говорит, что ты есть. Мне он очень нравится. Очень заботливый, даже немножко напоминает тебя. А про любовь пока не скажу — не знаю.

Здесь же, на почтамте, Николай Васильевич написал ответ. Сообщил, что жив и здоров, из «дальней командировки» вернулся. Сейчас работает по специальности в Москве, а там что бог даст или куда начальство пошлет. Очень по Машеньке скучает, но рад, что она «пустила корни». Придет время встретимся. Пиши по этому же адресу.

В штабе МВО

Два месяца Неретин работал в штабе Московского военного округа. Одного из штабных работников, полковника Прохорова, заинтересовали взгляды майора на подготовку войск: «Так вы утверждаете, что мы мало внимания уделяем командирам нижнего звена. Интересно, — Прохоров улыбнулся. — Знаете, Николай Васильевич, если вам удастся обосновать вашу теорию, то это будет очень даже кстати».

— Хотите сказать, что толковые младшие командиры в какой-то степени смогут компенсировать отсутствие опыта у молодых офицеров?

— Ну, в общем то да, хотя я бы не стал формулировать проблему столь категорично. Сделаем так. Вы напишите записку, обоснуете вашу теорию. А пока буквально в двух словах, на основании чего вы пришли к вашим выводам».

— Опыт военных действий при столкновениях с японцами в Китае, а также попавшие мне в руки во время Гражданской войны в Испании документы о построении германской армии, в том числе ее устав. В Японии и в Германии подготовке младших командиров уделяется самое серьезное внимание. Кстати говоря, унтер-офицеры японской армии были

просто великолепны, чего нельзя сказать о младших офицерах. А что касается немцев, то они сумели сохранить свой унтер-офицерский состав еще со времен Мировой Войны.

— Ну что ж, давайте, пишите. Как вы назвали вашу теорию? Усиление выживания воинских подразделений, так кажется?

Полгода спустя полковник Прохоров вызвал Неретина: «Вот предписание. Вы направляетесь в Белорусский военный округ. Хотите спросить, почему именно туда? Песню новую слышали? Если **ЗАВТРА ВОЙНА**, называется, понятно?

— Понятней не бывает.

— Ваш округ на острие. Готовьтесь!

Разговор с комиссаром

Вызванный к полковому комиссару Неретин примерно догадывался о чем пойдет речь, и это его не радовало.

— Заходи, майор, заходи, не стесняйся. Догадываешься зачем я тебя вызвал?

— Слушаю вас, товарищ полковой комиссар.

— Это хорошо, что слушаешь. Хуже то, что ты делаешь. Вот, полюбуйся, целая папка жалоб на твое самоуправство. Люди, можно сказать криком кричат. А человек, как сказал товарищ Сталин, наш самый ценный капитал. Давай, рассказывай, что ты

там у себя в батальоне накашлял.

— Не пойму, о чем вы, товарищ полковой комиссар.

— Ладно, я вот для себя выписку сделал из этих жалоб, обобщил, так сказать. Получается густо. Во-первых, устав нарушаешь, принцип единоначалия. Жалуются, что ты выпячиваешь роль младших командиров в ущерб авторитету офицеров. Дошло даже до того, что ты приказал отделенным при атаке идти не впереди отделения, увлекая бойцов личным примером, а прятаться за спинами бойцов.

— Разрешите отвечать?

— Отвечай, отвечай. Умел грешить, умей и ответ держать.

— Командир отделения последнее командное звено. Дальше идет уже непосредственный исполнитель приказа — солдат. От того как отделенный готовит солдат, как он ими командует, зависит как солдат будет воевать. Пренебрегая ролью отделенного мы как раз и нарушаем принцип единоначалия. Солдат должен знать, кто им командует в бою. Теперь, что я прячу отделенного за спинами солдат. Во-первых, я считаю, что увлекать своим примером должны комсомольцы и коммунисты. Во-вторых, но это главное, отделенный должен командовать отделением в бою, а как он это сделает, если он не видит солдат? Ну и, конечно, если

командир отделения погибает в первые же минуты боя, то отделение становится неуправляемым.

— Хорошо поешь, складно, но не по уставу. По уставу командир отделения должен быть впереди бойцов своего отделения. Устав надо соблюдать. Пошли дальше. Командиры взводов и даже ротные жалуются, что ты их замучил непосильными физическим нагрузками — бег на большие расстояния с полной выкладкой, окапываться заставляешь, окопы, понимаешь, полного профиля. Потом, значит тактика — если противник атакует, то вместо встречного боя приказываешь встречать из окопов каким-то залповым огнем, забрасывать гранатами и только потом переходить в контратаку.

— Товарищ полковой комиссар, вы знаете, с кем нам предстоит воевать?

— Ну-ну, объясни мне темному, — комиссар иронически усмехнулся, а в глазах тревога.

— Вижу, что знаете. А что договор у нас, так это до первой оказии. Меня, прежде чем направить всюду, ознакомили с материалами, собранными о завтрашнем противнике. — Неретин избегал слова Германия, оно после заключения договора стало в сочетании со словом «противник» — Табу. — У него автоматы — восемьдесят патронов против пяти в нашей Мосинской. Они идут в атаку, поливая все вокруг огнем этих автоматов, а

перезарядка секунды — бросил рожок, вставил другой. Так что встречный бой не получится. А залповый огонь очень эффективен. Еще в царской армии была команда «рота пли». Всё сметает. Так что контратака, когда противник смят у наших окопов, и на плечах отступающего противника к его окопам...

— А почему ты все-таки думаешь, что у нас будет именно **этот** противник?

— Лебенсраум — вот поэтому. Им жизненное пространство требуется, своей территории мало. А ихняя пропаганда твердит, что мы низшая раса, что расширяться надо именно за наш счет. Да знаете вы всё это! Окопы полного профиля... А вот когда начнут долбить артиллерией, бомбить с самолетов, минометы опять же... Так только окоп полного профиля хоть как-то защитит. И еще, насчет нагрузок. От солдата можно требовать столько же, сколько от себя. Да и вообще нигде слабаков не уважают, а в армии тем более. А от отделенного я требую, что бы ни случилось, хоть светпреставление, все равно твое отделение должно выполнять поставленную задачу, даже если кроме вас никого в живых не осталось.

— У политрука к тебе тоже претензии есть. Аж на трех страницах наката! Политработу недооцениваешь, политзанятия не проводишь, с солдатами панибратствуешь, опять же обучение

батальона ведешь такое, что это недалеко от провоцирования.

— Виноват, обидел я его. Сказал, что ходить за мной и каждое слово мое проверять ему не след. В Гражданскую там иное было дело. Там часто командиром становился бывший офицер царской армии. За ним, наверное, пригляд нужен был. А Нефедову не Пинкертон бы (предшественник Шерлока Холмса, прим. автора) изображать, а самому политрабату проводить. В общем, я так скажу, не ту роль он себе выбрал. Мне нужен помощник, а не надсмотрщик!

— Не любишь ты его.

— А что он баба, чтоб его любить!

— Как-то у тебя получается, что ты один во всем прав. Как говорится, вся рота идет не в ногу, один поручик в ногу. Какие выводы из нашего разговора делать думаешь? — комиссар протянул Неретину пачку папирос.

— Спасибо, не курю. Еще в тюрьме бросил.

— Что так?

—хлопотное дело было табак доставать, да и здоровье не всегда позволяло.

— Ладно, Николай Васильевич, выводы какие делать будешь, как отношения с командирами налаживать?

— Так, **Николай Васильевич**, значит многое из того, что я сказал, понял. Проведу

занятия по взаимодействию подразделений в бою и по тактике боя в обороне на уровне батальона. А потом практические занятия штабные и полевые маневры. Ну и личные собеседования с командирами рот и взводов, чтобы отношения наладить. А там по ходу дела.

— С вашим политруком я сам поговорю. А ты с ним не собачься. Он парень неплохой, но не во всем еще разобрался...

— Постараюсь, но вы мне тоже помогите, Геннадий Петрович. Нефедов нервничает, говорит, что я немцев своими действиями провоцирую. А чего их провоцировать! Вот давеча я к пограничникам ездил. Так немецкие танки на той стороне в открытую у самых наших постов разъезжают. Танкисты хохочут, «Рус пиф-паф» кричат. А от нас до границы всего двадцать километров. Если что, эти танки до нас чуть не через полчаса доберутся. Вот и держу батальон в повышенной готовности.

— Николай Васильевич, что тебе сказать? Наверное, ты прав, но может не всем батальоном сразу тренироваться, а скажем поротно?

* * *

Инспектор смеялся: «Это ж надо, новое противотанковое оружие — целлулоидная

расческа! Нарочно не придумаешь!»).

На только что закончившихся маневрах командир одного из отделений в батальоне Неретина сумел забраться сзади на танк «противника», и сунул в башню горящую расческу. Экипаж не выдержал такой «газовой атаки» и выскочил из танка. Сразу же в ход пошли кулаки. Но на помощь командиру поспешило всё отделение, которое натерпелось страху, пока танки угрожали окопы, а потому было страшно обозлено на танкистов.

— А вообще должен сказать, — продолжал генеральный инспектор, — батальон Неретина, что бы там о нем не говорили, показал себя с самой лучшей стороны. Я выводил из строя командиров взводов и рот, а батальон продолжал действовать как ни в чем не бывало. Кстати говоря, нужно отметить четкость и быстроту выполнения заданий, прекрасную слаженность подразделений, и умение младших командиров принимать решения и действовать в сложной ситуации. Да, Неретин, что это вы там на крышах казарм делаете? Висячие сады Семирамиды высаживаете? Смотрите, как бы крыши не прогнили!

— Там изоляция надежная, товарищ генерал!

— *А ведь это он маскировку казарм делает, Интересно, кто его надоумил?* — Но вслух эту мысль генерал-инспектор высказывать не стал.

Будни

Командир саперного взвода, сероглазый крепыш с выбритой аж до сизости головой, молча вздыхал, слушая Неретина.

— Терентий Гаврилович, горсовет просил с дорогами помочь. А это нам на руку. Мы с тобой мосты поправим, дороги подремонтируем... чтоб нашему батальону маневрировать было сподручнее в случае чего. Всё делать будем по НАШИМ ТАКТИЧЕСКИМ СООБРАЖЕНИЯМ. Усек?

— Это чтобы в случае...

— Во-во! Люблю сообразительных. И, пожалуй, поговорю-ка я с полковником, чтобы тебя ротным. Ну а ты времени не теряй. Подбери по стрелковым ротам подходящих солдат человек пятьдесят от моего имени.

— А объяснять как?

— А как я тебе объяснил — просьбу горсовета выполняем.

— Николай Васильевич, а ежели мы для горсовета стараемся, то пару грузовиков и тракторов у них временно, а?

— Дело, попробую. Что то еще?

— Даже не знаю как сказать. Штабели строевого леса в трех километрах отсюда стоят.

— Знаю я про эти штабели. Они стратегические.

— Значит, никак?

— Иди, дорогой, начинай работать.

* * *

— Аккуратнее, аккуратнее работайте. Опорные столбики на один ряд переставили? — Терентий Гаврилович, подошел, потрогал, вроде прочно стоят, не шатаются. — Эти лесины везем к реке, и сразу в работу на сваи, понятно?

Саперы быстро погрузили строевой лес на горсоветовские машины. К рассвету поверх новых свай лежал настил.

Неретин понимал, что такое «одалживание» леса из стратегических запасов добром не кончится, поэтому тут же позвонил в горисполком и договорился о встрече.

— Иван Павлович, за машины спасибо. Щебень ваш тоже очень кстати. Тут только одна заковыка: у вас на основных дорогах четыре моста, и все подгнившие. Нет, нет, не спорьте. Я их лично осмотрел. Отремонтировать там или просто заменить эти мосты для нас не наука, хотя... кое-какая рабочая сила от вас может потребоваться. Беда в другом — лес строевой нужен.

— А где ж я тебе его возьму? Смешно, конечно. В лесу живем — леса не имеем.

Николай Васильевич дипломатично молчал.

— Хотя, хотя есть одна идея...

На внеочередном заседании горсовета было принято решение об устройстве противопожарных просек. Нужда в воровстве стратегического леса отпала.

* * *

— Николай Васильевич, мне тут доложили, что ты подъезды к нашей больнице ремонтируешь, — предгорисполкома улыбался, — Никак к нашей главврачихе подъезжаешь, а?

— А что, Иван Павлович, интересная женщина?

— Хирург хороший, а так строгая. А ты с ней еще не познакомился?

— Пока нет. Ну уж раз ты говоришь, интересная, познакомлюсь.

— Познакомься, познакомься... А у меня к тебе дело. Призывников наших к себе возьми, а то пошлют их черт-те куда, а они здесь нужны будут.

— Значит тоже душа не на месте?

— Не на небе живем.

— Хорошо, поговорю с комполка, а ты с военкомом согласуй.

До начала войны оставалось меньше года...

* * *

— Товарищ главврач, дорогу новую принимайте.

— А у меня товарищ майор имя есть, — кареглазая красавица с копной темнорусых волос улыбалась.

— Извините, разрешите представиться, Неретин Николай Васильевич, командир расквартированного здесь батальона.

— Так то лучше. Шнейдерман Галина Вениаминовна, главврач местной больницы. Дорога прекрасная. А то мы всё мучились. Как больных привозили, так их на этой дороге так трясло, что прямо сердце кровью обливалось.

— Если Вас это не очень затруднит, Галина Вениаминовна, я бы хотел осмотреть хирургическое отделение вашей больницы.

— Пожалуйста. Буду только рада. А почему именно хирургическое?

— Как вам сказать, военные пациенты чаще всего нуждаются именно в хирургии. Ну и еще, пожалуй, контузии ...

— Фитиль приняла, товарищ комбат. Немедленно займусь, у меня и учебники по военно-полевой хирургии есть.

— Прекрасно. Вы ведь военно-обязанная, не так ли?

— Капитан медицинской службы запаса.

Разговор то у нас какой-то направленный получается.

— Что поделать, я человек военный.

— Разрешите вас пригласить на чашку чая. У меня краснодарский сорт есть.

— Что-то новенькое.

— Говорят, недавно вывели. Мне его в райкомовской столовой презентовали. — Галина Вениаминовна поставила на стол чайничек, чашки и блюдца севрского фарфора. — Заметив удивленный взгляд Неретина, — это семейное, — и печально добавила, — всё, что осталось. — И тут же перевела на другую тему: «А вы в чае разбираетесь?»

— На КВЖД китайские друзья научили. Я оттуда аж три фунта высшего сорта привез. Сестренка его только по выходным заваривала.

— А почему в прошедшем времени?

— Машенька моя сейчас на Урале живет. Замуж там вышла.

— А вы?

— Как-то вот так, не получилось. То Китай, то Испания, то еще чего.

— «Еще чего» — это что? Ой, извините, я, кажется, в душу с калошами залезла!

— Да нет, ничего. Спасибо за чай, за беседу. Да, вы мои matrimониальные обстоятельства выяснили. А вы, извините за нескромный вопрос,

Шнейдерман по мужу?

— Нет, это моя собственная фамилия. Что, на еврейку не похожа? А у нас в роду все такие были.

— А вы на мой вопрос не ответили.

— Насчет замужества? Мне с этим тоже не повезло. Хотела за хорошего парня выйти, да моя покойная мама не разрешила за русского, а потом не до того было.

Разговор затянулся до позднего вечера. Ни Неретин, ни Галина Вениаминовна не спешили расставаться. Два одиноких существа потянулись друг к другу. На пороге Николай Васильевич протянул руку: «До встречи, Галина Вениаминовна». И услышал в ответ: «До встречи... А можно, я Вас поцелую?». Поцелуй получился коротким и, пожалуй, неумелым. Галина Вениаминовна быстро повернулась и закрыла за собой дверь.

Николай Васильевич шел по дорожке и напевал немзыкальным голосом «Я встретил Вас, и все бывшее в отжившем сердце ожило.»

Два дня спустя в кабинете главврача раздался звонок: «Галина Вениаминовна, Неретин Вас беспокоит. Вы меня еще не забыли?».

— Рада слышать ваш голос, Николай Васильевич.

— Хочу пригласить Вас на концерт. Сегодня Минский музыкальный театр спектакль показывает.

— С удовольствием, Николай Васильевич, да

ведь билеты не достать.

— Я озаботился. Значит в шесть я за вами заеду.

— Спасибо, буду ждать.

С тех пор, они проводили вместе все свободное время, которого у них было не так уж много.

Как-то в конце мая Неретин позвонил в больницу: «Галина Вениаминовна, я завтра в район еду. Если какие поручения будут — прошу».

— Николай Васильевич, знаете что, возьмите меня с собой. У меня там дела накопились.

* * *

— Как здорово на вашем Газике! Вон сколько чего везу, и лекарства, и перевязка, и продукты. У меня, правда, мотоциклетка старенькая есть, но на этой тарактелке не езда, а мука.

— Галина Вениаминовна, если вы не очень спешите — вон за тем лесочком озерцо очень симпатичное. Искупаться бы.

— Если Галей будете звать, то можно. Только я не смогу — купальника с собой не взяла.

— А Вы вдоль берега по колено можете походить — там дно отлогое и песчаное. Я быстро купнусь.

Галина Вениаминовна невольно залюбовалась

крепким суховатым телом Неретина — ничего лишнего, сплошные мускулы... и шрамы.

— Господи, Николай Васильевич, да вы весь, даже не знаю как сказать, искорябанный что ли!

— Работа такая, Галочка. Вот поэтому вам и следует на военно-полевую хирургию нажимать.

— А водичка какая теплая! Знаете что? Я, пожалуй тоже искупаюсь. Отвернитесь, пожалуйста!

— Давайте наперегонки до той сосны и обратно!

У берега Николай догнал Галину и подхватил на руки. Вообще-то он сам удивился своей смелости и, пожалуй, ожидал получить плюху за нахальство. Но против ожидания Галина обняла его за шею: «Коленька, я боюсь».

— Чего ты боишься, — почему-то переходя на шопот, — спросил Неретин.

— Боюсь тебе разочаровать. Я всё еще девушка, и ничего не умею.

Что-то дрогнуло в суровом сердце Неретина, он проникся нежностью к этой еще несколько минут назад такой независимой, а теперь оробевшей молодой женщине.

— Галочка, если ты...

— Ничего не говори, не надо, милый! — Прижалась к Николаю и закрыла глаза.

Через две недели, получив разрешение

командира полка, они поженились. Свадьба была скромной — командиры рот, политрук, предгорисполкома с женой. Комполка прислал поздравление.

Несколько дней спустя Неретин зашел к жене на работу: «Галочка, надо поговорить».

— Дома еще не наговорился? — пошутила Налина Вениминовна, но посмотрев на серьезное лицо мужа осеклась. — Говори, Коля, я тебя слушаю.

— То, что я скажу должно остаться пока между нами. Там, наверху, — Николай посмотрел на потолок, — даже за разговоры о войне... А война скорее всего со дня на день начнется. Я хочу, чтобы ты сразу же перешла прешла в нашу санчасть. Сестер подбери двух-трех потолковее и сильных. Работенка у них будет тяжелая. Ну что еще? Медикаменты, перевязку, чтобы под рукой.

— Коленька, как страшно!

— Что делать, Галочка. Слушай, тут у вас несколько семей еврейских. Намекнуть бы им надо, чтобы времени не теряли. Немцы они в первую очередь за евреями охотятся, — Николай наклонился и неловко поцеловал Галю в щеку. — Ничего, мы еще повоюем!

Началось

— Аэродром бомбят! — Политрук Нефедов был бледен как мел, в глазах полная растерянность.

— Вижу, — Неретин опустил бинокль.

— Николай Васильевич, да что же это такое?!

У нас же с ними договор!

— Вот ты им и объясни, может послушают.

— Что делать будем? Слушай, а может это только провокация? — с надеждой в голосе произнес политрук.

— Семен Семенович, это **ВОЙНА**. Ты вот что, возьми две машины и в больницу. Заберешь Галину, медсестер, что можно из лекарств, перевязки, ну в этом Галя сама разберется. Присоединим их к нашей медчасти.

— Уходить будем?

— Не знаю, а готовым нужно быть ко всему. Вон связь с полком никак не налаживается. Радио бы нам!

— Радио! Сам знаешь, как наверху к этому относятся.

— Знаю, боятся, что противник нас прослушивать будет. А что мы без связи как слепые котята... Ладно, давай, действуй.

— *Вот так вот, все боялись немцев спровоцировать, а теперь что?* — И смачно выругался.

Из ада бомбежки, обрушившейся на приграничный аэродром, вырвался «Ишачок» ИШ-16, и с мужеством отчаяния набросился на уверенных в своей безнаказанности немцев, нагло бомбивших взлетные полосы и прилипшие к земле самолеты. Это было настолько для немецких летчиков неожиданно, что пока они разобрались что к чему, два бомбардировщика уже горели. А «Ишачок» метался, навязывая немцам ближний бой, мешая проводить прицельное бомбометание. Наконец, опытные пилоты опомнились, образовали «карусель», и маленький советский самолет, прошитый множеством пулеметных очередей, в огненном саване ушел в бессмертие.

— Э-эх, а остальные-то что? — в горестном недоумении спросил кто-то из молодых солдат. Ему никто не ответил.

Проблемы

Майор Нередин костерил себя: навесил себе на шею такой груз — стал командиром сводного отряда. После двух дней ожесточенных боев в Западной Белоруссии, в которых батальон понес большие потери (чуть не треть личного состава) и потерял связь с полком, Неретин принял решение

самостоятельно пробиваться на восток, к своим. К его батальону, как частицы к кристаллу в растворе, прибывались то одиночные солдаты и командиры, то целые группы. Всех надо было распределять по подразделениям батальона, приводить в божеский вид, подавлять панические настроения, которые они несли с собой как инфекцию. Командиры рот роптали: роты разбухали, становились трудноуправляемыми. Падала мневренность, которая одна выручала батальон.

Решение проблемы пришло неожиданно. В небольшом городке, в который они пришли на четвертый день войны, самым заметным зданием была тюрьма. Неретина поразила обыденность обстановки: на вышках и у ворот часовые, ворота заперты. Отдав команду на привал, Неретин с политруком подошли к воротам.

— Давай, проходи! — Крикнул часовой. — Стрелять буду!

— Ты что, в командиров Красной Армии стрелять будешь?!

— Не положено здесь стоять, товарищ командир, тюрьма, — почти извиняющимся тоном заговорил часовой.

— Ладно, вызывай разводящего.

Через несколько минут Неретин кричал начальнику тюрьмы: «Почему не эвакуируете заключенных? Немецкому командованию подарок

готовите?!».

— А ты кто такой, чтоб мне указывать! У меня свое начальство есть. Вот когда оно мне укажет...

Неретин тяжело вздохнул: «Наши Минск оставили. Нет там теперь никакого начальства».

— А мне никто ничего... — уже другим тоном проговорил начальник тюрьмы. — Да и сил у меня таких нет, чтобы заключенных конвоировать. Их тут сейчас восемьсот пятьдесят душ, а охраны раз, два и обчелся. Что делать, прямо голова кругом!

И вот тут-то черт попутал майора — во всяком случае он сам так считал:

«Так что, немцам их оставлять, что ли? Выводите на построение. Там разберемся».

— Хорошо вам говорить! А мне перед начальством... — и осекся, такими страшными глазами смотрел на него Неретин.

Заключенные выстроились как сидели, по отделениям тюрьмы. Охрана с винтовками наизготовку.

Неретин прошел перед рядами заключенных. Опытным глазом (сам в их шкуре побывал) отметил отдельностоящую группу «политических».

— На долгие разговоры времени нет. Идет война. Мы пока отступаем. Немцы здесь будут через несколько часов, а может и раньше. —

Выдержал паузу (Люди должны осмыслить эту оглушающую информацию), продолжил, — Я предлагаю всем, кому дорога Родина, встать на ее защиту.

Голос из рядов: «Красиво поешь, начальник, а потом нас опять за задницу!».

— *Этоуголовнички, матыхзаногу!* Неволить никого не стану. Дело добровольное.

— А оружие где взять? Голыми руками не навоюешь! — *Ага, это «политики».* Оружие будет.

Подскочил начальник тюрьмы: «Это ты что?! Бандитов вооружать?! Анархию разводишь! Буду жаловаться!».

— Кому жаловаться? — И повернувшись к заключенным: «Те, кто готовы защищать родину, три шага вперед. Остальные помните, предательство не забывается!».

К батальону присоединились двести зэков, в том числе все семьдесят «политиков».

— А мне как быть? — начальник тюрьмы стоял как в воду опущенный.

— Идите со своими людьми отдельно. С вашими бывшими подопечными сами понимаете...

Поначалу шли без больших приключений. С оружием проблем не было — его много валялось вдоль дорог. В тюрьме забрали две машины и продовольствие, в котором к этому времени очень

нуждался батальон.

На одном из привалов подошел политрук: «Я тут со Смеляковым разговаривал...».

— Это, который у них за пахана?

— Он самый. Я даже удивился, чего он с нами пошел. Так он сказал, что все политики — расстрельные. Ждали сопровождения, чтобы их в Куропаты отвезти... на исполнение приговора. Похоже, мы с тобой ежа проглотили.

Неретин долго молчал, обдумывая услышанное. Потом положил руку на плечо политруку: «Ну вот что, Семеныч. Во-первых, официально нас об этом не известили. А что Смеляков говорит, так и соврет — недорого возьмет. Тем более, что уголовники с политиками всегда на ножах — по собственному опыту знаю».

— Может у самих политиков спросить?

— Не надо. Ни к чему. Тут что главное? Они все как один выступили на защиту страны. Опять же, присягу приняли. Будем судить по делам. Ну а приглядываться, конечно, нужно и к ним и к уголовникам. Всё, всё, разговор об этом окончен! — прервал, собравшегося еще что-то сказать Нефедова. — Тут другое дело. По моему, большая часть политиков бывшие военные.

— Политические — все кадровые офицеры. Старшим у них подполковник Батманов, бывший подполковник, — поправил себя политрук.

— Бывший, не бывший, для нас он солдат, за Родину воюет. Ладно, давай его сюда. *Батманов, неужели он?! То-то мне лицо показалось знакомым, а вспомнить не смог.*

— Товарищ командир, рядовой Батманов явился по вашему приказанию.

— Здравствуй Александр Григорьевич. А я тебя сразу и не признал. Вроде ты, а вроде и нет. Изменился ты очень. Вон, весь седой. Что ж ты сразу не подошел?

— А я тебя Николай Васильевич, сразу узнал. А не подошел... Подводить не хотел. Знакомство с осужденным репутацию не красит.

— Репутация, репутация... Рад, что тебя встретил, — и повернувшись к Нефедову, — вместе в Испании воевали. Саша, все в вашей группе кадровые командиры, так?

— Все. Многие участвовали в боевых операциях в Испании, на Халкин Голе, в Финской компании. Двое проходили в тридцатых годах стажировку в Германии, хорошо знают язык и немецкие армейские порядки.

У Неретина от этого сообщения аж перехватило дыхание. Всё мучился из-за нехватки командиров, а тут такое привалило! — Неретин понимал, что за назначение «политиков» командирами по головке не погладят. Если что не так, то ему не сдобровать. Но у военных есть

правило, «Действуй, даже ошибка лучше бездействия».

— Кто у вас старший по званию?

— Я, подполковник авиадесантных войск Батманов, то есть бывший подполковник.

— Прекрасно. Наш батальон по сути на положении десанта — полный отрыв ото всего на свете. Тут тебе и карты в руки. Будешь моим замом по боевой части.

— Как под Уэской?

— Именно. Ну а в случае чего заменишь. Здесь еще одна проблема. Батальон распух. Роты сами чуть не в батальоны превратились, стали почти неуправляемыми. Всех, присоединившихся к батальону, хочу выделить в отдельные подразделения. Публика со всячинкой. Иногда панические настроения возникают. С дисциплинкой тоже плоховато. Подбери из вашей команды на должности командиров рот и взводов. Таких, чтоб порядок навели. Остальные — мой резерв. Кого командиром резерва?

— Майора Барвихина.

— А медиков среди вас нет?

— Есть, товарищ командир. Майор медицинской службы, нейрохирург Цыплаков.

— Прекрасно! В санчасти у нас опытных медиков нехватает. А теперь вот что. Документов у вас нет, так? Возьмете у батальонного писаря

красноармейские книжки. Заполните в соответствии занимаемыми должностями. Всё понятно?

— Так точно, товарищ командир батальона.

— Да, Саша, за что ты загремел, если не секрет? Можешь не стесняться. Я и сам на «курорте» у Николая Ивановича (Ежов, прим. автора) побывал.

— Какой там секрет! Язык подвел. Меня после Испании сюда, в Белоруссию направили тоже комбатом. А тут троих командиров арестовали. На пьянке разговорились. Ну я и выступил. Как воевать, спросил, собираемся, если кадры по всякой ерунде транжирить будем. Вот меня особым присутствием две бабы колхозного типа и эмгэбешник аж целых десять минут судили за то, что против политики Партии выступаю. Оказалось, Ворошилов сказал, что каждый красноармеец должен стать агентом НКВД. Так они мне тут же приписали, что я против товарища Ворошилова выступаю. И пошло поехало.

— Понятненько. А я так и не узнал за что меня. Мой следователь по всему полю вслепую стрелял. Всё думал, что я сам себя оговорю. Ладно, считай, вечер воспоминаний закончен. Приступай к выполнению обязанностей. Вот еще что, Этых двоих, которые в Германии практику проходили... Надо немецкие приемники, а лучше

приемо-передатчики раздобыть. Пусть слушают.

— Понял.

— Приступайте к выполнению обязанностей, капитан Батманов, — и поднял, сжав кулак, правую руку. — Но пасаран!

— Есть приступать к исполнению обязанностей, — тоже добавил, — но пасаран!

* * *

Капитан Егоров, точнее говоря, бывший капитан, а теперь по расписанию службы командир взвода, оглядел выстроившийся взвод. Отдал команду: «Взвод, смирна-а! Вольно. Я ваш командир. Воевал в Китае, в Испании и в Финскую компанию. С немцами в Испании хорошо познакомился. Бить их можно. У них главное — выучка и дисциплина. Выучка — дело наживное, но постараюсь вас быстро научить всему, что сам знаю. А за дисциплину буду спрашивать по законам военного времени. Отделенные ко мне! Остальным разойтись! Товарищи командиры, прошу проверить обувь и оружие бойцов. Спрашивать за отделения буду с вас. Жду с рапортом через сорок минут. Сверим часы.

* * *

По приказу Неретина специальная группа подбирала всё, что побросали отступавшие части. Несмотря на протесты части ротных командиров, снимали с трупов сапоги. По просьбе Гали забирали индивидуальные перевязочные средства погибших.

Большой проблемой стал транспорт. В боях на границе санитары творили чудеса, вытаскивая раненых с поля боя, а санчасть под руководством Шнейдерман (она оставила свою девичью фамилию) просто героически их выхаживала. Удалось спасти больше сотни раненых. Многие из них пока еще не могли передвигаться самостоятельно. Поэтому весь транспорт, за исключением трех машин, тащивших пушки, был выделен для раненых. Медики шли пешком вместе с остальными бойцами и командирами. За всё время удалось подобрать только три брошенных полуторки: транспорт на ходу отступавшие, как правило, не бросали.

У уничтоженных в скоротечных схватках немецких хозотрядов и отбившихся от своих частей немецких мародеров захватили некоторое количество автоматов, и, что было самым важным, несколько приемопередатчиков.

Потапов и Измайлов, проходившие практику в Германии, теперь почти не отрываясь прослушивали немцев. То, что они слышали, было очень страшно. Не хотелось верить своим ушам. На

первом же привале Неретин, Нефедов и Батманов выслушали доклад «слухачей».

— Товарищ комбат, может это всё пропаганда? — спросил Потапов.

— Нет, агитация на нас идет, естественно, на русском языке, а то, что передается по немецки — это у них только для себя, своих им агитировать пока ни к чему. Так что это скорее всего соответствует реальному положению вещей. Надо смотреть правде глаза.

— Понятно, товарищ комбат.

— А насчет того, что наши сотнями тысяч сдаются?

— Судя по вашим докладам, тоже похоже на правду. Почему так происходит? Не знаю. Может шок от внезапного нападения, растерялись.

— Что говорить бойцам и командирам?

— Врать нельзя. А политинформации — дело товарища Нефедова. Ничего мимо меня и Нефедова никому не передавать. Все понятно?

— Так точно, товарищ комбат!

— Тогда вернемся к нашим делам. Из полученных вами сообщений выходит, что до наших передовых частей порядка двухсот километров... сейчас. Пока мы не наталкиваемся на серьезные силы противника. Скорее всего, они о нас не знают, считают, что здесь действуют мелкие отряды. Вам, дорогие товарищи, — обратился к

Потапову и Измайлову, — придется работать посменно по двенадцать часов. Мы должны как можно более подробно знать, что творится вокруг нас.

С очередным хозотрядом немцев захватили офицера в непонятной форме.

Потапов начал было задавать стандартные вопросы, но немец перебил: «Лучше по русски. И быстрее и понятнее. И вообще, если позволите, я сначала сам расскажу, а потом уже вопросы задавать будете».

Неретин улыбнулся: «Интересно. Ну что ж, если по делу...».

— Вот видите этот значок? Это золотой знак старого члена Национал-Социалистической Немецкой Рабочей Партии. Его получали только те, кто стал членом партии до 32-го года. А я еще в Баварском путче участвовал. Я родом с Украины. Был колонистом.

— Это которых еще Екатерина Вторая из Германии пригласила?

— Оне самые. Я в 19-м был в Красную Армию мобилизован, у Буденного в разведке служил, Польскую компанию прошел, благодарности получал. Под знаменем рядом с Буденным сфотографировался.

— Непонятно, а как же вы?

— А вот так, когда в 26-ом начали

коллективизацию проводить, мы с отцом все бросили и в Германию подались.

— Небсь жалко было все бросать?

— Конечно, жалко. У нас все было по науке, даже журналы агрономические из Германии получали. Коровы лучших пород. Пшеница элитная, мы ее на посев продавали. Чего уж там! А куда деваться? За ними, алкашами, сила. А они еще нас грозили в Сибирь на лесоповал отправить. Так вот... Теперь я оберст — полковник по вашему. Специалист по политработе.

— В СС?

— Нет, в Армии.

— А на что вы рассчитывали, — спросил Нефедов, — страна у нас огромная, народу в несколько раз больше.

— Победить — внезапностью.

— А потом, если победите?

— Намеревались создать что-то вроде колонии.

— Так это же какую армию надо было бы здесь держать, чтобы нас подчинить?

— Не такую уж и большую. Вся полиция на местах из ваших. Бургомистры — тоже. Недовольных вашей властью хватает: и раскулаченные, и репрессированные, да и в ваших колхозах тоже жизнь не сахар. Сотнями тысяч в плен сдаются.

— Брешешь! — Не выдержал Нефедов.

— Брешу? А вон у вас там приемо-передатчик немецкий стоит. Послушайте.

— А почему вы вроде как в прошедшем времени про ваши намерения говорили? — спросил, внимательно прислушивавшийся к допросу, Измайлов.

— А потому. Если бы воевать только с Великобританией или только с Россией, то все было бы в порядке. И победили бы и колонию устроили. А сейчас приходится воевать с вами и держать войска против Англии. А Англии, не ходи к гадалке, Америка обязательно помогать начнет. Да и вам тоже.

— Так я чего-то не понял, вы что, сами сдались, перебежчик, или как? — удивился Неретин.

— Никакой я не перебежчик. Просто растерялся в первый момент: никто вас так далеко в нашем тылу не ждал.

* * *

После очередной поверки недосчитались Смелякова и еще десятка уголовников.

Услышав доклад Батманова Неретин помрачнел: «По хорошему надо бы изловить и расстрелять перед строем. Да где их сейчас искать?»

Семен Семенович, надо довести до каждого бойца, что за дезертирство будем расстреливать. А если кто уйдет, то документы о его поступке будут переданы в НКВД, и расплаты он всё равно не избежит».

— Будет сделано, товарищ комбат.

— Теперь такое дело, — обратился к Батманову. Пробираемся как крысы. Нет, никаких претензий к новым командирам нет. Больше того, четкое поддержание связи в условиях рассредоточения подразделений заслуга ваших товарищей. Но надоело ходить на цыпочках и оглядываться, надо действовать. Ваши предложения товарищ Батманов?

— Создавать диверсионные группы.

— Сколько времени на подготовку понадобится?

— Максимум два дня.

— Так быстро?

— Квалифицированные диверсанты среди наших офицеров есть, а вспомогательные работы... солдаты обучатся по ходу действия.

— Отлично. Да, чтобы не забыть. Семнадцать ваших... коллег остались помогать в создании партизанских отрядов. Напишите на них характеристики. Нужно для их семей. Мы с Нефедовым подпишем. К подготовке диверсионных групп приступайте немедленно. Пройдем тропую

грома!

— Есть, пройти тропой грома, товарищ комбат! Но пасаран!

* * *

А было так. Батальон расположился на дневку в лесах недалеко от небольшого городка, райцентра.

Разведчики сразу же обследовали городок, убедились, что немцев там еще не было. Выяснили насчет имеющихся запасов продовольствия и горючего, и вернулись с седоватым, лет пятидесяти человеком в полувоенном костюме — темнозеленая шевиотовая гимнастерка и брюки, заправленные в сапоги — обычная форма ответственных партийных и советских работников низшего звена.

— Вы здесь главный? — спросил пришедший.

— Я, командир сводного батальона Неретин. А вы кто?

— Я предрайисполкома, Петраков Исай Петрович. Вот мои документы.

— Очень хорошо, что вы нас нашли, Исай Петрович. Нам очень даже нужна ваша помощь.

— Ну, насчет того, что я вас нашел, — рассмеялся Петраков, — так это ваши орлы меня проконвоировали. Помощь окажем, ну, конечно, что в наших силах... Но и вас тоже попросим нам

помочь. Война, видать, будет не короткая. Хотим партизанский отряд организовать. Нам, конечно, многое потребуется. Но, главное, военные специалисты нужны. Может кто диверсионному делу обучен, так это еще лучше.

— Отряд — то большой?

— Ядро сто тридцать пять человек. Потом по ходу дела еще подбирать надежных людей будем.

— Хорошо, Исай Петрович, постараемся помочь. Подождите у связистов. Они, кстати, чай сейчас заваривают.

— Ну что, Семен Семенович, скажешь? — спросил после ухода предрайисполкома.

— Ты имеешь ввиду политиков? Ну, во-первых их самих надо поспросить. Это ведь не армия. Тут риск другой. И вообще, если мы сами им доверяем, то почему у других должен быть особый спрос.

— Ты прав, зови Батманова.

* * *

— Друзья мои, — Батманов оглядел собравшихся — десятерых уже не было, а из оставшихся многие получили ранения, — к нам обратился председатель местного райисполкома. Просит помочь с партизанским отрядом. Нужны добровольцы.

— Мы все сегодня добровольцы, — слышались голоса.

— Нет, тут особое дело. Во-первых, партизаны никакие конвенции не защищают. Так что если кто в плен попадет, то будет уничтожен, и пытаться могут. Во-вторых, придется воевать под чужими документами, так что даже если и погибнешь героически в бою, об этом никто из родных и близких не узнает. А насчет комфорта в лесу (слышались смешки) да еще, например, в зимнее время... Так что думайте.

— Саша, ты думаешь, война будет такая долгая?

— Ситуация вам известна. Немцы пока не встречают серьезного сопротивления. Выводы делайте сами.

Наступило тяжелое молчание. Потом поднялся Барвихин: «А в чем, собственно вопрос? Ну вернемся к нашим. Что нам там медом намазано? Нет, начнут тягать по новой. Записывай меня первым, Батманыч».

В партизаны захотел уйти чуть не весь резерв. Отобрали из резерва тех, кто наиболее подходил для этого дела. Сообщать «биографические данные» Исаю Петровичу не стали по принципу «вы не спрашиваете, мы не рассказываем».

На прощанье Барвихин передал Батманову семнадцать записок с адресами: «Пусть родные о

нас хоть чтонибудь узнают, а для детей главное, что отцы не были предателями».

Последний бой, он трудный самый

— Расшевелили мы с тобой осиное гнездо, Батманов.

— Три моста, два склада горючего, полевой аэродром. Это кого хошь на грех наведет.

— Да уж, действительно, тропую грома. Теперь и к своим возвращаться не стыдно.

— До них еще добраться надо.

Неретин и Батманов стояли на колокольне в большом старинном селе и наблюдали в трофейные цейсовские бинокли за передвижениями немцев.

— Уйти просто так не удастся: у них транспорт — у нас ноги. Да и раненые у нас... Надо, Александр Григорьевич, немцев на переправе задержать хоть на полсуток.

— Понял, Николай Васильевич. В резерве нашем сорок человек, ну еще тех, кто пока ротами и взводами командует, подключим. Какнибудь без них обойдетесь, пока до наших добираться будете. А мы полсуток продержимся.

— Хорошо, Александр Григорьевич. Еще человек пятьдесят добровольцев вам в помощь выделим. Гаврилыч на время оборудования рубежей переходит в твое полное распоряжение. А

потом его не задерживай! У меня других саперов нет. Артиллерию и броневики тебе оставляю.

— Разрешите приступить?

— Давай, Александр Григорьевич, давай дорогой. Ну а доберемся до своих, я за вас лбом стучать буду.

— А тебе, Николай Васильевич, от всех нас сердечное спасибо.

— А это еще за что?

— За то, что мы, хоть не надолго, людьми себя снова почувствовали, и если умрем, то в бою, а не как крысы в расстрельном подвале. Но пасаран!

— Но пасаран!

* * *

— Друзья, встретим немцев как в Испании. Но пасаран! — и салют сжатым кулаком.

И даже те, кто не воевал и Испании, как один подняли руку в республиканском приветствии и крикнули «Но пасаран!».

Немцы не ожидали встретить серьезного сопротивления. Поэтому они потратили довольно много времени на перестройку в боевые порядки. Им пришлось не только подтянуть артиллерию, но даже вызвать на помощь авиацию. Заслон продержался шестнадцать часов. Когда немцы, наконец, переправились через реку, на восточном

берегу не осталось ни одного живого защитника переправы.

— Герр оберст, там трое русских застрелились.

— Правильно сделали. Мы бы с ними за многое посчитались.

У своих

Начальник Особого Отдела Армии, хмурый мужик высоченного роста, что особо подчеркивалось его худобой, из тех, кого в народе зовут «коломенская верста», молча сверлил Неретина взглядом темных пронзительных глаз. Эта игра в молчанку Николаю Васильевичу надоела, но он по Лефортовскому опыту знал, что инициативу проявлять не надо. Наконец, Начальник Особого Отдела заговорил: «Давайте для начала познакомимся. Я начальник Особого Отдела армии, Соловец Никодим Иванович. Ко мне вам пока следует обращаться «гражданин начальник». Так-то. Вы, майор Неретин Николай Васильевич, командир батальона, так?

— Так точно, — и с нажимом — **гражданин начальник.**

— Ага, начинает злиться, хорошо. Нервочки расшатались пока по тылам немецким бродил. Ладно, начнем с чего попроще. Николай

Васильевич, вы как по жизни, везунчик?

— Не понял.

— Вместо одного батальона аж два с половиной привели. Да и потери минимальные. Ни у кого из прорвавшихся такого не было. Не откроете ли секрет такого везения?

— Во-первых, я кадровый командир, имею большой опыт, начиная с Гражданской войны, а потом Китай и Испания. Ну и батальон два года тренировал на разные обстоятельства.

— И всё? — Соловец иронически улыбнулся.

— Мы захватили у немцев полевые приемопередатчики. А два наших офицера хорошо владеют немецким языком и порядки в Германской армии — в 30-х годах в Германии стажировку проходили по обмену. Поэтому обстановку вокруг мы более или менее знали.

— Значит по обмену? Интересно!

— *Что он дурака валяет? Знает прекрасно, в чем дело.* Липецкое авиационное училище и Казанское танковое училище немцев принимали.

— Хорошо, к этому мы еще вернемся. А вот начальник тюрьмы, которую вы разгромили, жалуется на вас. Хм, куда ж это я его записку задевал? — начал рыться в столе.

— *Ишь ты, разгромил! Надо ж так дело повернуть...*

— Ага, вот она! Ну, тут много чего, главное

вы арестованных освободили своей властью. Советская Власть, значит, их приговорила, а майор Неретин приговоры, получается, отменил, заключенных не только освободил, а еще и вооружил, в том числе приговоренных к смертной казни.

— Немцы подходили, а начальство тюрьмы не чесалось, чтобы заключенных эвакуировать. А их никто к сдаче немцам в плен не приговаривал.

— Как у вас так все складно получается...

— Мне начальник тюрьмы сказал, что у него нет возможности конвоировать восемьсот человек. Что ж оставалось делать? Вот я и предложил им Родину защищать.

— И тем, кого к расстрелу приговорили?

— Этого я тогда не знал. Потом они сами нам об этом сказали. А начальничек этот так торопился ноги унести, что вообще мне ни слова про это не сказал.

— А если бы знали?

— Люди хотят Родину защищать, вину искупить... Чего ж с ними делать?

— Мне еще ваш бывший полковой комиссар говорил, что вы отбрезхиваться мастер. Кстати, за что вас в 36-м посадили?

— Меня в 39-м полностью оправдали со снятием судимости..

— Экий вы. Ладно, пока свободны.